

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ ПО ДНЕВНИКАМ П. Е. КОВАЛЕВСКОГО

Епископ Савва (Тутунов)

викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси,
епископ Зеленоградский
кандидат богословия
107553, г. Москва, ул. Б. Черкизовская д. 17
st@patriarchia.ru

Для цитирования: *Савва (Тутунов), еп.* Церковная жизнь в Русском зарубежье по дневникам П. Е. Ковалевского // Церковный историк. 2020. № 2 (4). С. 214–223. DOI: 10.31802/СН.2020.4.2.013

Аннотация

УДК 27-774

Статья раскрывает некоторые факты из жизни представителей русской эмиграции в Европе на основании дневниковых записей выдающегося русского историка, религиозного мыслителя и исследователя русской эмиграции Петра Евграфовича Ковалевского. Производится краткий обзор жизни семьи Ковалевских. Отдельное внимание уделяется активной деятельности Ковалевских и их единомышленников в деле воспитания русской молодежи во Франции, в особенности Петра Евграфовича Ковалевского. В статье приводятся интересные детали организации учебного процесса в различных образовательных учреждениях русской эмиграции, описываются процессы смены поколений русских эмигрантов и проблем, связанных с ними.

Ключевые слова: Православная Церковь, Христианство, Россия, Франция, Париж, эмиграция, дневники, Ковалевский, образование, воспитание, духовность, молодежь, студенчество, идентичность.

The Church Life in the Russian Diaspora as Described in the Diary Entries of Pyotr E. Kovalevsky

Bishop Savva (Tutunov)

Vicar of His Holiness Patriarch of Moscow and All Russia, Bishop of Zelenograd
PhD in Theology
17, Bol'shaya Cherkizovskaya Str., Moscow, 107553, Russia
st@patriarchia.ru

For citation: Savva (Tutunov), Bishop. "The Church Life in the Russian Diaspora as Described in the Diary Entries of Pyotr E. Kovalevsky". *Church Historian*, no. 2 (4), 2020, pp. 214–223 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2020.4.2.013

Abstract. The article reveals some facts on the life of representatives of the Russian diaspora in Europe, basing on the diary entries of the outstanding Russian historian, religious thinker and researcher of the Russian diaspora, Pyotr Evgrafovich Kovalevsky. The author makes brief overview of the life of the Kovalevsky family. Special attention is paid to the active work of the Kovalevskys, especially that of Peter Evgrafovich Kovalevsky, and of their associates in educating Russian youth in France. The article provides interesting detail on the organization of the educational process in various educational institutions of the Russian diaspora, describes the process of changing of Russian emigrants' generations and the problems associated with this process.

Keywords: Christianity, diary entries, diaspora, education, emigration, France, identity, Orthodox Church, Paris, Pyotr (Peter, Petr, Pierre) Kovalevsky (Kovalevskij), Russia, spirituality, upbringing, students, youth.

19 февраля 1920 г. в порт Марселя вошёл реквизированный французским правительством болгарский пароход «Кирилл», отбывший из Севастополя месяцем ранее. На борту — семья Евграфа Петровича Ковалевского (1865–1941), члена Государственной Думы последних двух дореволюционных созывов, член Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. Накануне отбытия 18 января 1920 г. его 18-летний сын Пётр записал в своём дневнике: «Скоро ли нам опять будет возможно вернуться в Россию?» Как большинство участников Русского исхода, Ковалевские не предполагали, что покидают Россию навсегда.

Пётр Ковалевский на протяжении значительной части своей жизни вёл довольно подробные дневники. По крайней мере известно, что сохранились его почти ежедневные записи по 1959 г. Часть из них была опубликована: в 2001 г. были полностью изданы дневники за 1918–1922 гг.¹, а в 2014 г. были выборочно изданы дневники за 1937–1948 гг.²

Архив дневников хранится в трех местах: в Бенедиктинском монастыре в Шеветоне, в Международном институте социальной истории в Амстердаме и в Национальных архивах Франции.

Записи Ковалевского были всесторонние и охватывали церковную, политическую, культурную, бытовую жизнь эмиграции. Остановлюсь на одной из самых дорогих для самого автора тем: воспитании юношества.

Основным предметом деятельности Евграфа Петровича в Государственной Думе было всеобщее образование. Он состоял заместителем (или, как тогда говорили, — товарищем) председателя Комиссии народного образования, затем председателем совещания, разрабатывавшего закон по всеобщему обучению³. Его супруга — Инна Владимировна Ковалевская, урождённая Стрекалова (1877–1961), также являлась видным деятелем в сфере народного просвещения. Она работала в Комиссии по изданию книг и брошюр для народа и устройству народных чтений. Стояла во главе Издательской комиссии при Обществе грамотности. Возглавляла Общество поощрения женского профессионального образования⁴.

1 Ковалевский П. Е. Дневники. 1918–1922. Т. 1. СПб., 2001.

2 Ковалевский П. Е. Пасхальный свет на улице Дарю: Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов / сост., автор предисловия и примечаний Николай Росс. Нижний Новгород, 2014.

3 Андреев А. Ю. Ковалевский Евграф Петрович (младший) // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М., 2010. С. 335.

4 Ковалевский П. Е. Пасхальный свет на улице Дарю. С. 14.

Не удивительно, что в эмиграции супруги Ковалевские также занялись просветительской деятельностью. Евграф Петрович почти до самой своей смерти в 1941 г. был председателем отдела средней школы парижской Русской академической группы, одним из руководителей комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей. Инна Владимировна, пережившая мужа на 20 лет, была членом правления Союза русских преподавателей во Франции, преподавала в русской гимназии в Париже, в русском интернате для девочек под Парижем, а также в приходской школе Александро-Невского собора⁵, знаменитого «рю Дарю», по названию улицы, на которой он находится.

Трое сыновей четы Ковалевских также вовлеклись в просветительскую деятельность. Но сколь разными путями! Средний и младший сыновья — Максим (1903–1988) и Евграф (1905–1970) были, наряду со старшим братом Петром (1901–1978), в числе основателей в 1924 г. Братства святого Фотия. Одной из задач братства стало активное «усвоение», если можно так выразиться, западного наследия христианской Церкви до отпадения Запада от Православия. Так, еще один основатель Братства Владимир Николаевич Лосский позднее писал: «В 1926 году Братство определило для православных, живущих на Западе, необходимость изучать и почитать православные традиции той земли, где, по воле Божественного Промысла, мы вынуждены обитать. Братство объявляет также о следующей своей принципиальной позиции: “все, что произошло до 1054 года, — принадлежит нам”»⁶. В Братстве стали изучать жития святых, организовывать паломничества, начал составляться календарь православных французских святых. Все это привело младших братьев Ковалевских к так называемому возрождению, а на самом деле созданию православного западного обряда, в итоге выродившегося в раскол, в котором Евграф станет епископом Иоанном-Нектарием. Рукоположен он был ещё в Русской Зарубежной Церкви, с которой, впрочем, разорвал отношения в 1966 г., вскоре после хиротонии. С ним окончательно в раскол ушла и вся созданная им западнообрядная структура.

Судьба старшего брата Ковалевского, Петра Евграфовича, не столь витиеватая. При безусловной любви к братьям и симпатии к их устремлениям,

5 Ковалевский П. Е. Пасхальный свет на улице Дарю. С. 13.

6 Цит. по: Таак Э. Братство святого Фотия // Иконография храма Трех Святителей и творчество Леонида А. Успенского и монаха Григория Круга / сост. Бернар Пардо, Эмилия ван Таак и Анна Филиппенко-Богенгардт. [Электронный ресурс]: Об истории создания Трех-святительского подворья Московского Патриархата в Париже. URL: <http://strasbourg-geor.org/?topicid=80&printed=1>.

он отмечал авантюризм Евграфа: «Вечером долго разговаривал с Евграфом, — пишет он в своих дневниках 18 февраля 1937 г. — Хотелось выяснить его точку зрения. Она мне совсем не нравится по своему произволу. Блюдя полную букву закона, они дали себе полную свободу, даже литургическую в деле “западного обряда”. Меня пугает, главным образом, отношение к литургии и обряду, которые изменяются произвольно и без всякого основания»⁷. Сам Петр Евграфович отличался глубокой приверженностью к богослужебному благочинию. Одним из важных дел его жизни стало создание в 1921 г. Александро-Невского братства при соборе на «рю Дарю». Это братство объединяло прислужников и иподиаконов собора, обеспечивало службы, но, более того, стало настоящей школой общения и церковного воспитания для молодых представителей эмиграции⁸. Из братства выросли, к примеру, будущие протопресвитеры Иоанн Мейендорф и Александр Шмеман, недавно почивший протопресвитер Борис Бобринский⁹. В качестве иллюстрации жизни братства приведу следующую цитату из дневника Ковалевского: «В воскресенье у нас в пономарке был очень горячий спор молодежи. Большинство, во главе с Михаилом [Слезкиным], защищало ту точку зрения, что церковный человек должен быть на высоте современного знания, а не игнорировать его, и что можно служить Богу во всякой науке, и что наука не противоречит духовному росту человека. Другие, во главе с Сашей Шмеманом, утверждали, что нельзя вести духовное строительство, занимаясь науками, а надо отходить от мира, не стараться его оцерковить»¹⁰ (19 октября 1937 гю). «Саше Шмеману» было на тот момент 16 лет. В дальнейшем молодежь из братства активно участвует в просветительских чтениях, работе создающихся тогда молодежных организаций, включается в работу русских гимназий.

Всё это соответствовало устремлениям самого П. Е. Ковалевского, который, будучи преподавателем во многих учебных заведений, посвящал много времени и сил воспитанию русской молодежи и детей. В 1924 г. он становится членом, а позднее — генеральным секретарём Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей; в 1933 г. — секретарём учебно-просветительского комитета епархиального совета; в 1935 г. — школьной комиссии для выработки школьной программы; позднее — секретарём организационного комитета празднования дней русской культуры для молодежи

7 Ковалевский П. Е. Пасхальный свет на улице Дарю. С. 45.

8 Там же. С. 14.

9 Там же. С. 27.

10 Там же. С. 65.

и детей; с 1948 г. — генеральным секретарём Союза русских педагогов-эмигрантов¹¹. Основной круг интересов очевиден.

Следует заметить, что эмигрантский путь семьи Ковалевских несколько исключителен на общем фоне. Как уже упоминалось, Ковалевские в 1920 г. прибыли на юг Франции, где у них был собственный дом. Их миновала чаша лишений, испытанная многими нашими соотечественниками после Крымского исхода в эвакуационных лагерях на Балканах, на территории современной Турции и в Тунисе¹². Русские эмигранты стали массово прибывать во Францию немного позже — в основном с 1923 г. Русских беженцев с удовольствием принимают и селят в индустриальных регионах Франции: на заводах и шахтах, крайне нуждающихся в рабочих после Великой войны, в которой Франция потеряла более полутора миллиона человек¹³, причем некоторые доводят эту цифру до двух миллионов с учётом послевоенных потерь среди тех, кого война покалечила. По некоторым подсчётам, Франция потеряла более четверти мужского населения активного возраста¹⁴.

Несколько иная ситуация в Париже, где в большом числе осел эмигрантский бомонд: представители политических и деловых кругов. В Париже создаются различные общества, призванные обеспечить преемство с Российской Империей, тем более что на первых порах многим кажется, что дни советской власти в России не будут долгими, и эмиграция — временное явление. Так до конца 1930-х гг. действовал Совет послов в России в эмиграции, объединявший послов Российской империи. Совет послов был не просто вывеской. Сохраняя легитимность до признания советской власти большинством мировых держав, он активно занимался защитой и обустройством русских беженцев, именно благодаря его трудам был создан знаменитый Нансеновский паспорт¹⁵. Были и русские организации по более частным вопросам. Так, в фонде семьи Ковалевских в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына хранится переписка попечительского комитета Русской зоологической станции, в который входил Ковалевский-отец¹⁶. Этот комитет пытался обеспечить

11 Ковалевский П. Е. Пасхальный свет на улице Дарю. С. 15.

12 Там же. С. 16–17.

13 Там же. С. 18.

14 Antoine Prost. Compter les vivants et les morts: l'évaluation des pertes françaises de 1914–1918 // *Le Mouvement social*. No. 222. January–March 2008. P. 41–60.

15 Бочарова З. Правовое положение русских беженцев на Западе в 1920–1930-е годы // *История: журнал*. 2002. № 2. С. 8–15.

16 Дневники Ковалевского П. Е. (1918–1938) // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 069. Оп. 1.

сохранность океанографической и морской биологической лаборатории на Средиземноморском побережье, основанной под эгидой России ещё в XIX в., и к 1917 г. находившейся на балансе Министерства народного просвещения Российской империи. Впрочем, попечительский комитет никак не мог справиться со своей задачей и к 1931 г. бедствующая лаборатория была передана Парижскому Университету. Сегодня здесь находится один из трех важнейших океанологических центров Франции.

Так или иначе, в первой половине 1920-х гг. во Францию прибывают многочисленные русские эмигранты, которые стали компактно селиться на местах работы. Создавались барачные русские поселения. Здесь же обустраивались, опять же нередко в бараках, православные храмы. Среди приехавших было достаточно много молодежи, детей.

Мы помним, что в 1920-е гг. эмиграция ещё не мыслилась как окончательное состояние. Более того, во время войны часть эмигрантов примкнул к Германии как в составе армии, так и на правах работников в занятые территории на Восточном фронте. Всё это — ради той же идеи возвращения в Россию. И после войны другая часть эмиграции, охваченная патриотическим порывом, переедет в Советский Союз. Судьбы тех и других были несчастными. Первые после войны были обвинены в коллаборации с немцами и преследовались. Отношение ко вторым в Советском Союзе отражено в записи Ковалевского от 17 октября 1947 г.: «Госпожа Заремба получила от дочери (которая уехала с мужем Оксанским в Россию) отчаянное письмо из Берлина. У них отняли все вещи, включая дамские сумочки, заставили ходить по городу с плакатами “Мы, раскаявшиеся белые, возвращаемся в СССР” и заявили, что везут в теплушках до Ковеля, где будет распределение. Тарасенков пробовал протестовать, но его избили. Все хорошие вещи взяты, не оставили даже мыла и полотенца для умывания»¹⁷.

Впрочем, вернёмся к теме воспитания молодёжи. В условиях, когда эмиграция связывала свою жизнь с Россией, да и позднее, когда наступила ясность, что советская власть — это надолго, одной из главных задач было сохранить среди молодого поколения Православие, русский язык, русскую культуру, знание русской истории. Выступая на общеправославной конференции в Салониках в ноябре 1930 г., Иван Аркадьевич Лаговский, долголетний секретарь Русского студенческого христианского движения, преподаватель педагогики в «Сен-Серже» несколько пафосно заявлял: «Утеревши право ходить по собственной земле, русская

17 Ковалевский П. Е. Пасхальный свет на улице Дарю. С. 584.

эмигрантская молодежь несет на себе все бремя своей беспочвенности и глубокого внутреннего одиночества»¹⁸. Чтобы сохранить эмигрантскую молодежь, создаются студенческие, молодежные и детские движения, которые сохранились по наши дни: движения русских скаутов, молодежные лагеря Витязей и РСХД. Учреждаются многочисленные школы, гимназии. При храмах создаются так называемые «четверговые» школы: в те годы в среднеобразовательных французских школах до 1972 г. четверг был выходным. В этот день русские дети собирались при храмах и изучали русский язык, литературу, историю и так далее¹⁹.

Речь вовсе не шла о каких-то любительских кружках. О необходимости постановки этого образования на самом высоком уровне говорилось, к примеру, на педагогическом съезде в Париже в 1938 г., которое описывает Ковалевский в своей записи от 9 февраля²⁰. Была подтверждена необходимость создания единых программ. К 1938 г. уже была одобрена программа по Закону Божию на 4 года. Началась проработка программ по русскому языку, истории и отечествоведению. Было одобрено проведение проверочных экзаменов в конце года. Интересно, что обсуждалось использование старой или новой орфографии. Как выяснилось, большинство школ использовали ту и другую.

К сожалению, этот серьезный настрой касался в первую очередь Парижа и нескольких других крупных центров русского рассеяния. Уже в 1938 г. возникают первые сигналы о потери эмиграцией своей идентичности: сначала церковной, затем национальной. Так, в записи от 28 декабря 1938 г. Ковалевский пишет о своем разговоре с одним видным русским деятелем: «Он летом и осенью посетил многочисленные приходы и вынес впечатление, что с умиранием старого поколения приходская жизнь умирает, а через 5–6 лет приходы начнут закрываться. Молодежь не церковна, организации — лояльны к Церкви, но тоже не церковны. Ощущается большая нужда в церковных работниках. К сожалению, это подтверждает мои сведения»²¹.

На педагогическом съезде 1947 г., который Ковалевский описывает в своих записях от 24–25 сентября, священники из провинции обращают внимание на утрату русскости среди детей. Говорилось о необходимости

18 Цит. по: Церковь и молодежь. Конференция в Салониках // Педагогическое наследие эмиграции. Материалы религиозно-педагогического кабинета в Праге / предисл., послесл. прот. С. Четверикова, В. В. Зеньковского. [Прага, не ранее 1935].

19 Ковалевский П. Е. Пасхальный свет на улице Дарю. С. 27.

20 Там же. С. 81–83.

21 Там же. С. 108–109.

преподавания в приходских школах Закона Божия на французском языке, об учебниках на французском²². Примечательно, что в записи от 23 мая 1948 г. Ковалевский запишет: «Богословский институт переходит с осени на французский язык для первого курса»²³.

Интересно расхождение в оценке ситуации между руководством различных русских молодежных организаций на съезде 1947 г. Русские скауты подчеркивали, что несмотря на отсутствие изучения русского языка в детских лагерях, «через два месяца дети понимают по-русски»²⁴, так как в лагерях и на сборах все должны говорить по-русски. Впрочем, сама постановка вопроса указывает на языковую проблему при поступлении в лагерь. Представители Национальной организации витязей также уверяли, что в лагере все говорят по-русски. А вот со стороны РСХД подчеркивали: «За время войны все очень отстали. У русских детей запас слов не более 200, и им трудно объясниться по-русски, но они одновременно слабее французов и по-французски. Необходимы новые методы. Надо захватить душу ребенка, а не заставлять его вызубривать тексты. <...> Анкета в лагере показала, что большинство любит Францию, а о России только слышали. Хотят ее любить, но не знают, а Францию знают»²⁵. Примечательно, что это различие в подходах трех упомянутых детско-юношеских организаций в известной степени сохранялось и на моей памяти — в конце 1990-х гг.

На съезде 1947 г. была сформулирована одна из главных эмигрантских дилемм в сфере просвещения: «Надо ли ударение делать на национальных предметах или на православном Законе Божиим?»²⁶ — спрашивал недавно назначенный духовник летних лагерей РСХД священник Алексей Князев. Ему вторила Анна Петровна Жихарева, преподавательница русских школ и также член РСХД: «Черта, на которую надо обращать внимание детей, это — русская духовность, тогда им не будет странно, что во Франции их заставляют заниматься русским, хотя они уже почти французы. Если они поймут, что могут через русское обогатиться духовно, то это станет им понятно»²⁷.

Что получилось в итоге и как дальше развивалась просветительская работа с теперь уже потомками русских эмигрантов, предстоит установить будущим исследователям.

22 Ковалевский П. Е. Пасхальный свет на улице Дарю. С. 577–579.

23 Там же. С. 612.

24 Там же. С. 576.

25 Там же. С. 577.

26 Там же. С. 579.

27 Там же. С. 579.

Список источников и литературы

- Antoine Prost.* Compter les vivants et les morts: l'évaluation des pertes françaises de 1914–1918 // *Le Mouvement social.* No. 222. January–March 2008. P. 41–60.
- Андреев А. Ю.* Ковалевский Евграф Петрович (младший) // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 335.
- Бочарова З.* Правовое положение русских беженцев на Западе в 1920–1930-е годы // *История: журнал.* 2002. № 2. С. 8–15.
- Дневники Ковалевского П. Е. (1918–1938)* // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 069. Оп. 1.
- Ковалевский П. Е.* Дневники. 1918–1922. Т. 1. СПб.: Европейский Дом, 2001.
- Ковалевский П. Е.* Пасхальный свет на улице Дарю: Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов / сост., автор предисловия и примечаний Николай Росс. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2014.
- Таак Э.* Братство святого Фотия // Иконография храма Трех Святителей и творчество Леонида А. Успенского и монаха Григория Круга / сост. Бернар Пардо, Эмилия ван Таак и Анна Филиппенко-Богенгардт. [Электронный ресурс]: Об истории создания Трехсвятительского подворья Московского Патриархата в Париже. URL: <http://strasbourg-reor.org/?topicid=80&printed=1> (дата обращения 15.10.2020)
- Церковь и молодежь. Конференция в Салониках // Педагогическое наследие эмиграции. Материалы религиозно-педагогического кабинета в Праге / предисл., послесл. прот. С. Четверикова, В. В. Зеньковского. [Прага, не ранее 1935].